

Гений боевой радиосвязи

С ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

О том, что знаменитый танк Т-34 создал наш земляк и гениальный конструктор Кошкин, знает не только каждый ярославец, а всякий когда-либо проезжавший по шоссе Москва – Ярославль мимо поворота на Переславскую деревню Брынчаги – родины изобретателя, где этот самый танк и установлен на пьедестале. А вот о том, что «глаза и уши» советских танков – их радиостанции, готовые работать в любых условиях боёв и переходов и бывшие на вооружении полвека, сконструировал тоже наш земляк Эвальд Янутан из Ростова, многие узнают только теперь. 20 февраля на выставке в Ярославском ЦНТИ «Эхо Афгана» приоткроется тайна, с которой только недавно снят гриф секретности. В экспозиции, посвящённой участию ярославцев в трагической эпопее афганской войны, будет представлена радиостанция Р-123 «Магнолия» и презентация создателя этой техники. Накануне рассказ о нём принесла в редакцию дочь конструктора, долгие годы упорно собиравшая сведения об отце, всю свою жизнь посвятившем работе на оборону России.

18 ноября 2008 года моему отцу исполнилось бы 80 лет (умер он, к сожалению, в 60), – так начала своё письмо Елена Зиятдинова (Янутан) (на снимке). – К этой дате я решила подобрать материалы о папе и его работе, сначала для себя. Но этот, не побоюсь громкого слова, исследовательский труд всё больше и больше занимает меня.

Папа – уроженец Ростова Ярославской области, где на улице Декабристов, 13, в семье военнослужащего родился и прожил первые годы своей жизни. Школа, Воронежский университет (по специальности «Физика») – и в 30 лет, в 1958 году Эвальд Альфонсович Янутан назначен главным конструктором научно-исследовательских работ (НИР) над проектом «Магнолия». Впоследствии изделие было передано на вооружение как возимая (сейчас бы сказали – мобильная) радиостанция Р-123, которая в течение полувека используется и в гарнизонах страны, и во всех «горячих» точках, занимая достойное место на танках, бронетранспортёрах, командных машинах.

Только вот не известно до сих пор никому было ни имени главного конструктора, ни завод-изготовителей.

Неизменно спрашиваю танкистов о радиостанции Р-123, и всегда, даже по прошествии многих лет – восторженные возгласы и высоко поднятый вверх большой палец правой руки.

Разбирая материалы, читаю: изделие выпускалось более двадцати лет на двух заводах в России и в двух странах соцлагеря. Общая численность выпущенных единиц – 900000 (девятьсот тысяч)!

Наверное, пришло время отдать дань памяти и уважения нашему земляку, лауреату Государственной премии СССР 1977 года, кандидату технических наук, имевшему в активе ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени (1971).

Первой ласточкой на этом пути и стала радиостанция Р-123М, которую Сарapulьский радиозавод имени Орджоникидзе по моей просьбе подарил (и доставил из далёкой Удмуртии) Ярославскому историко-архитектурному музею-заповеднику. Хочется надеяться, что для небольшой фотографии папы на выставке тоже найдётся место. Земляк всё-таки.

Из предисловия к каталогу Janes Military Communications, 1986 г., США:

«Типичной для большинства находящихся в эксплуатации электронной аппаратуры старшего поколения считается радиостанция Р-123, работающая в диапазоне от 20 до 51 МГц, которая размещается в (советских). – **Прим. ред.** бронированных машинах. Эта аппаратура демонстрирует контраст хорошего инженерного проектирования и надёжной простой конструкции. Коды из узлов с датами на ра-

диостанциях Р-123, захваченных в Афганистане и других частях мира, указывают на то, что эта радиостанция производилась по меньшей мере до 1980 года. Проведённые испытания свидетельствуют о том, что она хорошо функционирует, имеет высокий показатель средней наработки на отказ и, очевидно, предназначена для работы в широком диапазоне температур».

А теперь – что я узнала о том, как создавалась радиостанция «Магнолия».

1 мая 1958 года был подписан приказ председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике В. Д. Калмыкова о начале работы Воронежского научно-исследовательского института № 299 с опытным заводом (далее – Воронежский НИИ связи, ВНИИС).

Но вместе с ними в НИИ из КБ завод «Электросигнал» были переданы и неоконченные разработки, одна из которых имела шифр прекрасного южного цветка – «Магнолия» (с начала серийного производства – радиостанция Р-123). Этой радиостанции суждено было стать вехой во множестве разработок НИИ. Ещё при её разработке главный конструктор «Магнолии» Эвальд Янутан предсказывал, что «эта радиостанция будет выпускаться не менее 25 лет, а служить в войсках ещё дольше». И сейчас эти слова полностью подтвердились при лестных отзывах военных.

Из воспоминаний Бориса Алексеевича Наумова, в 1958 – 1961 гг. – инженера, ныне пенсионера, кадрового работника ВНИИС, лауреата Государственной премии СССР, о Янутане:

«Вся ответственность за внедрение станции в производство легла тогда на него. Вскрывалось много недостатков и недоработок. Руководство

завода стояло на позиции, что «Магнолию» запустить в производство нельзя. Янутан требовал, чтобы работали точно по чертежам, тогда всё получится. Чтобы снять с себя ответственность, сарapulьцы объявили эту разработку несерийноспособной. Не забуду, как Янутан приехал из Москвы, из Совнархоза, там ему сказали: «Ты обманул государство». Но причина была в другом. Сарapulьский завод был недостаточно оснащён для производства таких сложных вещей, какие были применены в «Магнолии». Станки не соответствовали требованиям разработки.

Янутан стоял на своём. Вскоре приобрели новые станки. Для того, чтобы проверить правильность изготовления радиостанции в соответствии с документацией, он пригласил

«Янутан Э. А. принадлежал к тем руководящим работникам, с которыми приятно было сотрудничать, вместе встречать праздники и будни, вместе радоваться успехам и переживать неудачи.

Характерными чертами Эвальда Альфонсовича являлись самобытность, деловитость, справедливость, высокий творческий потенциал.

Жёсткая требовательность к безусловному выполнению поставленных задач каким-то образом сочеталась с умением создавать совершенно непринуждённую обстановку при обсуждении любых вопросов с любым контингентом сотрудников института – от лаборантов до начальников самых крупных подразделений.

Янутана не зря называют легендой института. Нет такой

из института представителей ОТК, которые контролировали изготовление каждой детали. В процессе работы выявились конструкторские недоработки. В те времена только начиналось внедрение в производство керамических печатных плат, а в «Магнолии» было много керамики: катушки, платы. Сарapulьский завод на своей территории начал строить керамический цех. Цех возводили заключённые, и над Янутаном тогда посмеивались: «Отвечать – тебе, если не получится, никому не денешься, останешься здесь» (в смысле за колючей проволокой. – **Прим. ред.**).

Мы работали с полной отдачей сил, надеялись на Янутана, знали, что он всегда поддержит и выручит. Подолгу находились в командировках, жили в гостинице. Янутан в радиостанциях разбирался отлично. У нас блок питания не шёл, и оказалось, что применили не то трансформаторное железо. Мы никак не могли справиться, пока Янутан сам не разобрался. И так всякий раз он прилагал свои силы и знания.

Запустили в производство «Магнолию» в 1961 году, но окончательный вариант совсем не был похож на тот, с которого начинали.

– В сутках 24 часа, – считал Эвальд Альфонсович, – а это значит, три раза по 8 часов, за это время можно что-то сделать, догнать.

Он воспитывал молодых специалистов в таком же духе. При нём и днём, и ночью работали, не роптали. Надо – значит, надо.

Фотографий не осталось. Тогда мало фотографировались, не то, что сейчас».

Вот что прислал мне в память об отце Альберт Владимирович Борисов, заместитель начальника отдела 137, ветеран труда ВНИИС, почётный радист России :

сферы деятельности в институте связи, где бы Эвальд Альфонсович не внёс значительный вклад своими знаниями, опытом, инициативой.

Эвальд Янутан принадлежит к той когорте руководителей ВНИИС, которые своей творческой деятельностью заложили прочный фундамент института связи, создали мощный научно-технический потенциал, который позволил выстоять институту и удержаться на плаву в сложный период перестройки».

Добавлю, что и по отношению к нам, детям, отец проявлял уважение и терпение и практически не делал замечаний. Учил своим примером, ведь все отпуска мы проводили семьёй в стране магнолий – летом на солнечном Черноморском побережье, где нам, девочкам, разъяснялось, как следует себя вести. Плавать, бросать камушки, играть в шахматы и «кинга», путешествовать – это было можно. А вот чем там папа занимается на работе, мы знали очень поверхностно, и когда меня студенты спрашивают, почему у меня дома нет ни радиостанции, ни её схемы, я только улыбаюсь. Всё, что касается работы отца, было абсолютным секретом. При высокой порядочности и интеллигентности он честно выполнил свой долг, поэтому от трудов праведных и не нашёл палат каменных.

Я с интересом узнаю об отце-производителе. Летит время, но в моей коллекции не хватает самых главных воспоминаний: рассказов участников боевых и мирных действий, о жизненном пути радиостанции Р-123.

Прошу откликнуться, рассказать об интересных случаях из жизни, связанных с отцовской радиостанцией.

Елена ЗИЯТДИНОВА (ЯНУТАН).